

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ КАТАСТРОФЫ. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЭКСКУРСИЯ-КОМПОЗИЦИЯ В БОЛШЕВСКИЙ ДОМ-МУЗЕЙ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ*

Аннотация. Статья позволяет учителю расширить возможности преподавания литературы. Автор предлагает проведение нового вида экскурсии - экскурсии-композиции. Использование нетрадиционной формы, основанной на краеведческом материале, открывает реальные пути преодоления трудностей, связанных с преподаванием литературы.

В живой, увлекательной форме ведётся повествование участниками экскурсии-композиции о сложном и трагическом периоде в жизни М. И. Цветаевой в Болшево.

Предложенный вид урока углубляет представление о поэте, обогащает знаниями о жизни и творчестве, пробуждает у школьников интерес, даёт возможность глубже понять нелёгкую судьбу М. И. Цветаевой, ощутить её незаурядный литературный талант.

Ключевые слова: краеведение, экскурсия, воспоминания, тематика, ведущий, рассказчик, чтец.

Одной из главных задач преподавания литературы сегодня является возвращение ей исконного гуманистического смысла, нравственных общечеловеческих основ. Одновременно учитель должен знать, как воспринимают сегодняшние школьники литературные произведения, что для них значит личность того или иного писателя, как ученик относится к выраженным в тех или иных произведениях нравственным поступкам, чувствам, мыслям; с чем ребята согласны и с чем нет.

Чтобы деятельность учителя и учащихся была эффективной и плодотворной, развивался познавательный интерес, формировались положительные мотивы учения, формы урока должны быть нестандартными. Способствуют этому уроки и внеклассные мероприятия, общающие учеников к культурным традициям своего края. Они также позволяют заложить эмоционально-нравственную основу, формировать любовь к Родине, расширяют возможность преподавания литературы в тесной связи основного курса литературы как учебного предмета с использованием краеведения на уроках и во внеклассной работе.

Свои культурные традиции и памятные места имеет каждая местность. Богат ими и Мытищинский край: материалы о пребывании А.И. Крылова, И.И. Дмитриева, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, Д.В. Давыдова, А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, К.А. Коровина, Н.П. Чехова, В.Г. Перова, В.И. Сурикова. А.А. Блока, В.Я. Брюсова, В.В. Маяковского, Д.Б. Кедрина и т. д. добротной разработкой краеведов и хорошо известен любителям литературы, в том числе учителям-словесникам. Но ещё требует изучения связь с краем А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского.... Однако именно известные и мало известные сведения краеведческого характера – основа работы по литературному краеведению. И здесь нельзя не согласиться с мнением доктора исторических наук А. В. Даринского: «Встреча с местностью и обстановкой, где жили и творили писатели и живописцы, музыканты и актёры, знакомство с подлинными документами и их личными вещами, посещение тех мест, где художниками владели запечатлённые в их творениях мысли и чувства, где их глазам открывались картины поэтического восприятия окружающего мира, производят яркое, неизгладимое впечатление. Волнующий эффект присутствия в этих исторических местах вызывает неповторимое ощущение личной причастности к культурной традиции края» [5, 83].

Говоря о Мытищах и Мытищинском районе сегодня, нужно помнить, что его прошлое берёт своё начало от Тайнинской волости, сформировавшейся из основанных славянами селений в XII – XIII веках. Административно-территориальные границы района (волости) постоянно изменялись на протяжении многих десятилетий, поэтому уместнее будет говорить о «земле мытищинской». «Более широкий регион, нежели современный Мытищинский район» предлагает к рассмотрению и автор первой книги по истории края, рекомендованной администрацией города для использования на уроках краеведения, Ю.А. Князев [6, 14].

В книге Ю.А. Князева как нельзя лучше представлено далёкое прошлое мытищинской земли. В ней приводятся схемы и подробные пояснения к ним: схемы археологических памятников Мытищинского района, памятников

* © Картузова Л.Г.

храмовой архитектуры Мытищинского района, карты-схемы окрестностей, существовавших на протяжении ряда веков. Внимательное чтение карт, схем, планов и пояснений к ним даёт возможность учителю литературы провести параллель между тем, что происходило в истории развития государства и нашло своё отражение в русской литературе и литературе народов России и тем, что происходило на мытищинской земле.

Привлекая краеведческий материал на уроке литературы, нужно помнить о том, что он должен способствовать сознательному, углубленному, творческому усвоению предмета, углубляться во внеклассной работе, при этом не надо забывать о недопустимости перегрузки программы; по возможности включать в работу всех учеников класса во внеклассных мероприятиях.

Наиболее распространёнными в Мытищинском районе являются такие формы внеклассной работы, как литературно-краеведческие кружки, литературно-краеведческие вечера, литературно-краеведческие экскурсии.

Несомненный интерес для школьников представляют экскурсии в краеведческие музеи и по памятным местам.

В Мытищинском историко-художественном музее школьники найдут материал о М.Е. Салтыкове-Щедрине, Н.М. Карамзине, Д.В. Давыдове, И.И. Дмитриеве, В.Л. Пушкине, А.В. Суворове, И.А. Крылове, Г.Р. Державине; увидят произведения народных промыслов Мытищинского края. Экскурсоводы познакомят учеников с фатьяновской и дяковской культурой, эпохой Ивана Грозного (подмосковное село Тайнинское было любимой усадьбой Ивана Грозного). В одном из залов музея учащихся ждёт экспозиция, рассказывающая об усадьбах Мытищинского края. Это уникальный дворцово-парковый комплекс Марфино (с ним можно познакомиться ближе во время экскурсии в поселение Марфино), имения А.В. Суворова в Николо-Прозоровском и Рождествено-Суворово; Д.В. Давыдова в Мышецком. Это усадьба Виноградово, где нередко бывали баснописец И. А. Крылов, поэт Г.Р. Державин, историк и государственный деятель В.Н. Татищев, а также многие литераторы конца XVIII – начала XX века. Узнают школьники и об усадьбе Витенёво, владельцем которой в течение 15 лет был М.Е. Салтыков-Щедрин. Здесь он работал над произведениями «История одного города», «Господа Головлёвы», «Убежище Монрепо» и другими. Нередко в гостях у Салтыкова-Щедрина бывали Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев,

А.Н. Плещеев, А.С. Суворин. Музей расскажет о пребывании в крае известных всему миру художников: В.Г. Перове, В.И. Сурикове, К.А. Коровине и о современных художниках, членах Ассоциации художников г. Мытищи. Здесь постоянно одна выставка работ сменяет другую. Есть в музее зал Великой Отечественной войны, зал строительства Мытищинского вагонного завода и Ярославской железной дороги, мемориальные залы Д.Б. Кедрина и Н. Глазкова.

Музейные экспозиции являются одним из источников внеклассной краеведческой работы. Они дают богатый материал для проведения внеклассных и внешкольных занятий по темам: «Поэт, гусар, партизан» (О творчестве и жизни Д. Давыдова - 9кл.), «Дворянские усадьбы» (10 кл.), «Жизнь и творчество Д.Б. Кедрина» и т. д.

В Болшево (сегодня это уже Пушкинский район) ученики посещают мемориальный дом-музей М.И. Цветаевой. Улочки Болшева, Королёва, Костино, Любимовки хранят память пребывания здесь таких писателей, как Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, А.А. Ахматова, Б.В. Заходер, В.Я. Брюсов, драматург А.П. Чехов, реформатор сцены К.С. Станиславский, писатель Б.Н. Полевой, поэт и актёр В.В. Высоцкий....

Тарасовка и окрестности сохранили память о А.С. Новикове-Прибое, Д.Б. Кедрине....

Большие возможности для использования краеведческих материалов даёт изучение творчества Марины Цветаевой (после изучения темы «Литература 30-х годов XX века» и перед обращением к монографической теме «М.И. Цветаева»). Пребывание М.И. Цветаевой в подмосковном Болшево с 19 июня по 10 ноября 1939 года – важная страница биографии поэта. Одной из форм организации урока и краеведческой работы по жизни и творчеству М.И. Цветаевой может стать урок-экскурсия. Эта экскурсия будет одновременно и завершать раздел, в котором говорилось о сложности творческих поисков и писательских судеб, и начинать новый – «Жизнь и творчество М.И. Цветаевой». Способствуя обогащению знаний учащихся; помогая установлению связи теории с практикой, развивая творческие способности и речь учащихся, их самостоятельность, организованность, экскурсия формирует положительное отношение к учению.

Экскурсию, как правило, проводит экскурсовод-профессионал или учитель-словесник. Но несомненный интерес представляют и экскурсии, которые готовятся самими учениками.

Экскурсия в Болшево – это экскурсия-композиция, которая проводится силами уче-

ников 11 класса возле большевского дома (ул. М.И. Цветаевой, д. 15), где несколько месяцев жила Цветаева М.И. Одиннадцатиклассники предварительно готовят тематические рассказы-сообщения о Марине Цветаевой и выступают с чтением понравившихся стихотворений. Темы сообщений могут быть следующие: «Тоска по Родине»; «Возвращение в Россию»; «Чувство чужой кухни», «Тема Рока, смерти в творчестве М.И. Цветаевой»; «Цветаевское умение «жить – любить (хранить, служить)»»; «Безмерной внутренней свободы необходимость», «Пленительность поэзии» и др..

Источниками для рассказов-сообщений учеников являются письма к родным, близким, друзьям, записи М.И. Цветаевой; воспоминания и свидетельства современников, статьи о творчестве поэта. Учащиеся-чтецы предварительно готовят для чтения стихотворения М.И. Цветаевой и её стихи-переводы большевского периода, которые будет сопровождать рассказ экскурсоводов. Те, кто не получил задания от учителя, готовятся к чтению понравившихся стихотворений поэта. После такого знакомства с жизнью и деятельностью писателя перед учащимися предстает живой участник событий «давно минувших дней». Нетрадиционная форма проведения занятий способствует плодотворной и эффективной деятельности учащихся.

Первый ведущий. В июне 1939 года Марина Цветаева вместе с сыном Георгием (Муром) вернулась из Франции, где она жила с 1925 года, в Советский Союз. Годы пребывания за рубежом были тяжёлыми. Полный духовный разрыв с эмиграцией, одиночество, жизнь в крайне стеснённых материальных условиях, тоска по родине – всё это заставило поэта вернуться домой. Не могла не прислушаться Марина и к горячим призывам мужа и дочери вернуться на Родину.

Первый чтец. Читает стихотворение «Тоска по Родине! Давно разоблачённая морока!...» (1934).

Первый ведущий. Но получилось так, что время жизни на Родине (а Цветаевой оставалось жить всего два года и два месяца) оказалось не менее драматичным, чем пребывание за рубежом. Однако М. И. Цветаева стремилась соединиться с семьёй: мужем Сергеем Эфроном и дочерью Алей (Ариадной), возвращение которых в Россию произошло на два года раньше, в марте 1937 года. На следующий день после возвращения Марина Цветаева с сыном Муром поселилась в не очень просторной половине большевского дома, которую занимали муж Сергей Эфрон и Аля.

Второй ведущий. О том, какие чувства испытывала Цветаева в первые дни жизни в Болшево, ещё будет сказано. Главным в день прибытия на Ярославский вокзал из Петербурга было ожидание встречи с мужем (Сергей не встретил их в Кронштадте), и стремление встретиться с некогда столь любимым и воспетым ею городом – Москвой! Радость вряд ли была главным ощущением предчувствия встречи с родными и городом, так как уже в дорожных записях М.И. Цветаевой на борту парохода «Мария Ульянова» - ощущение насторожённости и печаль. Ей не оказалось места в Москве. Встреча с Москвой в тот день вообще была очень короткой: только переход с вокзала на вокзал: с Ленинградского на Ярославский. Хотя в дневнике Мура, спустя год, промелькнёт его «видение» себя на улице Горького, первая «встреча» с Кремлём. Была ли эта встреча и у Марины Цветаевой – кто знает?!

Третий ведущий. «После семнадцати лет разлуки с родиной, - пишет И.В. Кудрова, - Марина Ивановна попала в сюрреалистический мир, где в узнаваемых декорациях текла фантастическая жизнь.... Этот мир знал только две краски – чёрную и белую... состоял из героев и злодеев – третьего не существовало...» [9, 9-10].

Третьего не существовало.... «Так Цветаева встретила со своей *третьей* Москвой – с негостеприимной хозяйкой, выгонявшей из дома на улицу, из тепла и света – в темень...» [17, 12]. А ведь она, по предположению Анри Труайя, «в течение всего плавания ... утешалась миражами: вот-вот ей откроется рай, существующий под тройным знаком – свободы, справедливости и братского понимания» [15, 396].

Первый чтец. Родилась Марина Цветаева в Москве, в Трёхпрудном переулке, в доме, что расположился между Тверской и Бронной улицами, в доме, который, теснимый доходными домами, был снесён в годы революции.

Высыхали в небе изумрудном

Капли звёзд и пели петухи.

Это было в доме старом, доме чудном...

Чудный дом, наш дивный дом в Трёхпрудном,

Превратившийся теперь в стихи.

Второй чтец. Читает стихотворение «Домики старой Москвы (Слава прабабушек томных...»).

Второй ведущий. И вот город, который она некогда покинула, не принимает поэта. «Москва... словно бы мстила за то, что Цветаева некогда покинула её» [17, 12]. Но Москва и Ма-

рина Цветаева, Москва и семья Цветаевых всегда были неразлучны.

Поистине велик, бесценен вклад в культуру Москвы профессора И.В. Цветаева: «...мой отец поставил Музей Изыщных Искусств»... Марина Цветаева испытывает острое чувство обиды. Однажды, задетая бестактностью своей знакомой, поэт отстаивает своё право на Москву. Обратимся к записям Цветаевой в одной из сохранившихся тетрадей, которые представляют собой ответ этой знакомой.

Третий чтец. Чтение записи М. Цветаевой (выборочно):

«...Я ничем не посрамила линию своего отца. Он 30 лет управлял Музеем, в библиотеке которого – все мои книги.

Преимственность – налицо.

... я, в порядке каждого уроженца Москвы, имею на неё право, потому что я в ней родилась.

Что «я-то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» – «Москва, какой огромный, странноприимный дом»... «У меня в Москве – купола горят»... «Купола – вокруг, облака – вокруг»... «Семь холмов – как семь колоколов»... – много ещё! – не помню, и помнить – не мне.

Но даже – не напиши я стихи о Москве – я имею на неё право в порядке русского поэта, в ней жившего и работавшего, книги которого в её лучшей библиотеке.

Я ведь не на одноимённую мне станцию метро и не на памятную доску (на доме, который снесён) претендую, – на письменный стол белого дерева, под которым пол, над которым потолок и вокруг которого 4 стены.

Итак, у меня два права на Москву: право рождения и право избрания. И в глубоком двойном смысле –

Я дала Москве то, что я в ней родилась.

Оспаривая моё право на Москву, Вы оспариваете право киргиза на Киргизию, тунгуса на Тунгусию, зулуса на Зулусию...

- Право уроженца – право русского поэта – право вообще – поэта ...

Я – вселенный гость,

Мне – повсюду пир,

И мне дан в удел –

Весь подлунный мир!

И не только подлунный!» [17, 12 - 13].

Третий ведущий. «Марина Цветаева и её Москва – достояние нашей великой литературы», – пишет А. Саакянц [17, 14]. Марине, по воз-

вращению в Россию, достанутся «неприятные» дома. Впрочем, она это словно предчувствовала:

Выпита как с блюда:

Донышко блестит!

Можно ли вернуться

В дом, который – скрыт? [20, 29].

Четвёртый ведущий: М.И. Цветаева и Мур вынуждены будут поселиться в Болшево (Северная железная дорога, Московская область). Она должна была быть с мужем. Она вернулась к нему. В первую очередь, на наш взгляд, к нему.

Пятый ведущий. И жильё в подмосковном местечке Болшево она разделит с ним, с мужем, Сергеем Яковлевичем Эфроном. Разорвать двадцатилетнюю «совместимость» для неё трудно, да и, по выражению М.И. Цветаевой, эмиграция её не любит, сыну за границей «никаких перспектив». А когда Эфрон и Ариадна уедут в Россию, «..все сомнения, все переживания – всё позади, ибо и Аля, и Сергей Яковлевич уже находятся в Москве» [4, 71-72].

В 1938 году половина «... одноэтажного бревенчатого дома с двумя террасами, с камином в гостиной и паркетными полами» – собственность НКВД в Болшево – будет предоставлена С.Я. Эфрону. «Паркет настлан, но воду надо носить из колодца; канализации, естественно, тоже нет. И туалет, по российскому обычаю, – во дворе» [9, 26]. С такой действительностью столкнётся 19 июня 1938 года М.И. Цветаева.

Третий ведущий. Попытаемся же восстановить вслед за автором книги «Путь комет» И. В. Кудровой жизнь Цветаевой и её семьи в те далёкие от нас дни лета и осени 1939 года. Это сегодня путь от Мытищ до Болшево недолог по времени. А Марина Ивановна ехала с Ярославского вокзала достаточно долго. Автор книги не случайно заостряет наше внимание на длительности времени поездки: «... было достаточно времени, чтобы поговорить матери с дочерью и брату с сестрой. Выяснить самые главные обстоятельства. Задать безотлагательные вопросы. Переписка их была регулярной, но шла через официальные каналы, а потому ни одна из сторон не обольщалась относительно полноты получаемой информации» [9, 11].

Четвёртый ведущий. О скольких грустных известиях узнала Марина в пригородной электричке, сегодня точно не знает никто. Но дочь не смогла скрыть или хотя бы «оттянуть» сообщения об арестах и исчезновениях в тюрьмах многих близких и знакомых людей, не смог-

ла скрыть и потому, что отец по-прежнему был болен.... Можно только предполагать, сколько страшных и непонятных фактов узнала Марина Ивановна Цветаева в первые часы встречи от дочери...

Пятый ведущий. В день её приезда стояло «прекрасное цветущее лето» [9, 42]. День выдался жарким. Пройдя вперед по ходу электрички несколько метров, она окажется в сосновой роще. «Там – сосны», – писала она в письмах к Тесковой про место, где уже жили дочь и муж. «И там действительно были сосны – «пол-километра сосен...» [4, 72]. Лучшего места для прогулок ещё поискать: «сухая песчаная земля, высокие стройные сосны. Благословенная тишина, только изредка прошумит проходящий мимо поезд» [9, 38].

Шестой ведущий. Её взору предстал дом, с обширным участком и невырубленными деревьями, обнесённый забором. Рядом ещё два таких же дома. На участке Клепининых и Эфрон «сооружён примитивный душ – можно было облить холодной водой, если станет невоготу от зноя.... Сергей Яковлевич вбил между двух сосен железный прут и подвесил на нём физкультурные кольца» [9, 42]. Её встречали «лёгкий запах нагретой хвои» и «неправдоподобная тишина». Не лаял даже выбежавший навстречу «низкорослый белый французский бульдог Билька» [9, 38]. *Седьмой ведущий.* Войдём в дом. Перед нами очень маленькие две комнаты С.Я. Эфрона. «Мебель – самая примитивная, нет даже платяного шкафа. Одежда, стыдливо прикрытая простынёй, висит прямо на гвозде, вбитом в стену». Достаток у обитателей дома сносный: Сергей Яковлевич получает жалование.

Чтец: Из воспоминаний Нины Гордон (о жизни в доме 4/33): «Две небольшие комнатки были предоставлены матери и отцу, а Аля и Мур спали на маленькой застеклённой террасе на половине их соседей. По бокам этой терраски стояли какие-то кофры-сундучки, на них устроили одно ложе для Али, другое для Мура. На окнах марлевые занавесочки, на подоконниках стояли бесчисленные любимые Алей игрушки – всё больше разные зверюшки, и мягкие, и из уральских камней – белых, серых, терракотовых, – которые без конца дарил ей Муля...

Обедали на большой террасе. /.../ Всегда было весело, дружно, а главное, интересно. Живые, умные рассказы и разговоры, воспоминания, острые шутки» [2, 12].

Шестой ведущий. Какой в тот день предстала Цветаева перед родными, близкими, знакомыми? «...усталое лицо, стриженные, с

сильной проседью волосы, и в тон им – серое платье. Короткие рукава и широкий пояс, охватывающий тонкую талию» [9, 38-39]. Да и в последующие дни она чаще была «замкнутой, молчаливой, неулыбчивой, будто ушедшей в себя» [9, 40]. И.В. Кудрова предполагает, что Марина Ивановна испытывала «острейшее чувство дискомфорта, оказавшись вдруг в условиях коммунальной квартиры». К тому же общими в этом доме, помимо мест пользования, как обычно в коммуналке, была и гостиная с камином, а это значит, что «нельзя было выйти из комнат без свидетелей». Тот, кто встречался в эти болшевские дни с Цветаевой, запомнили больше всего её тяжёлую замкнутость, хмурую молчаливость и «неожиданные вспышки раздражения» [15, 403; 11, 307-308].

Седьмой ведущий. Но сохранились и другие воспоминания. Вот одно из них – Нины Гордон (подруги Али): «Марина вышла на террасу своей лёгкой быстрой походкой и очень просто, как со старой знакомой, поздоровалась со мной: «Нина, милая, здравствуйте». И как-то сразу мне стало самой очень легко. Просто и весело. Одета она была в широкую летнюю юбку и блузку с короткими рукавами, а поверх был одет пронзивший меня тогда фартук – синий, с большими карманами, закрывавший всю юбку. Была она очень изящная. Волосы... коротко стрижены, лицо молодое, чуть холодноватое и строгое. Взгляд внимательный, пытливый. Меня она покорила сразу простотой обращения ... всё всегда было с ней просто» [11, 294-295].

Первый ведущий. Татьяна Кванина, познакомившаяся с М. И. Цветаевой 1939 году уже в Голицыно, в Доме творчества, запишет: «... у Марины Ивановны была страстная потребность чувствовать около себя людей, относящихся к ней добро, ценящих её, а может быть, просто проявляющих к ней человеческое участие. В ответ она часто загоралась ответным чувством симпатии, вкладывая иной раз в это всё своё сердце, идеализируя всё и вся. А вот одиночество для неё было непереносимо тягостным» [11, 324].

Второй ведущий. Одиночество для М.И. Цветаевой – это ещё и невозможность писать, невозможность вести дневник, невозможность самой выбирать себе окружение. Так, по крайней мере, считают те, кто её знал в те годы, кто является исследователем её творчества. «До нас дошло несколько портретов Цветаевой, – пишет Вероника Лосская, – какой она явилась перед своими современниками в разорённой и запуганной Москве 1939 года. (...) Сохранились

фотографии, на которых у Цветаевой вид более напряжённый и измученный, чем когда-либо. Лицо кажется сожжено горем» [13, 62].

Исследователь творчества М.И. Цветаевой, В.К. Лосская подтверждает, что Цветаева пережила «испытание личного одиночества» [13, 60]. «Она быстро осознала, что люди, которые искали с ней общения, были очень настроены, но она, несомненно, не поняла, что могли быть люди, назначенные, чтобы за ней следить», – пишет Лосская В.К. [13, 67-68]. И добавляет: «Разлука, отрезанность, стремление к воображаемому месту – вот разные грани её раненой любви. /.../ Дом, кров, защита – всего этого больше нет. Жизнь идёт вперёд, вдоль дорог, рельс, проводов и в комнатах, лишённых мечты и поэзии» [13, 126]. Это ещё и одиночество человека исключительной судьбы, которое в её творчестве ощущается очень рано.

Четвёртый ттец. Читает «Не думаю, не жаляюсь, не спорю...» (13 июля 1914).

Второй ведущий: «Живу, не видя дня, позабывая // Число и век. // На, кажется, надрезанном канате //...» [18, 313]. Словно заглядывала поэт в жизнь будущую: трудную и тяжёлую, когда создавала в юности эти строки. Свою парижскую тетрадь М.И. Цветаева возобновит в Москве 5 сентября 1940 года. О полном драматизма большевском периоде жизни она напишет: «... Моё одиночество. Посудная вода и слёзы. Обертон – унтертон всего – жуть. Обещают перегородку – дни идут, Мурину школу – дни идут. И отвычный деревенский пейзаж, отсутствие камня: устоя. /.../ Не за кого держаться» [17, 489].

Ведущий третий. Мимо того, что дни пребывания в Болшево были наполнены, как пишет С.Н. Клепинина-Львова в своих воспоминаниях, «предощущением катастрофы», пройти нельзя. Цветаева многое начинала там осознавать. Осознавать постепенно. Вполне вероятно, что была и догадка об истинном отношении мужа с властями СССР. Что его доверие к ним как человека честного обмануто, становится тяжёлым потрясением поэтессы, может служить разгадкой её поведения. Косвенным доказательством можно считать дневниковую запись от 5 сентября 1940 года, частично приведённую и в книге Кудровой И.В.: «18-го июня приезд в Россию, 19-го в Болшево. На дачу, свидание с больным С. Неуют. За керосином. С. покупает яблоки. Постепенное щемление сердца. Мытарства по телефонам. /.../ Торты, ананасы – от этого не легче. Прогулки с Милей. /.../ Болезнь С. Страх его сердечного страха. Обрывки его жизни без меня, – не успеваю слушать: полны руки дела, слушаю

на пружине. Погреб: 100 раз в день... Начинаю понимать, что С. бессилён, совсем, во всём... Обертон – унтертон всего – жуть» [9, 49, 51].

Ведущий четвёртый. Приведённые записи сделаны в тетради после парижских замечаний, когда, наконец, ей вернули багаж. Однако существовала и большевская тетрадь. Заметки в ней начало своё берут от 21 июля 1939 года. Лист первый: «природа – помощь». На обороте одной из страниц запись от 22 июля 1939 года сделана в прозе и на французском языке, что в переводе, по мнению И.В. Кудровой, звучит так: «Я ощущаю здесь собственную бедность, которая кормится объедками (любовей и дружб всех остальных). Судомойка – на целый день (19 июня – 23 июля), 34 длинных дня, с 7 часов утра до 1 часа ночи. «Ничего, это ненадолго!» Но всё-таки это 34 дня моей жизни, моей головы, моих мыслей. Только я, я одна выливаю грязную воду из-под посуды в сад, чтобы таз под раковиной, переполняясь через край, не пачкал пол. Одна, без всякой помощи. Да и просто – одна. Все вокруг здесь поглощены общественными проблемами (или кажутся поглощёнными): идеи, идеалы и т.д. – слов полон рот, но никто не видит справедливости в том, что у меня облезает кожа на руках, – натруженных от работы, которую никто не ценит» [9, 52-53].

Восьмой ведущий. Перед нами в Болшево человек, который остаётся верным себе, своим идеалам, но в силу обстоятельств вынужденный стать иным. Беспокоит и здоровье мужа Серёжи; и, как выяснится, неясность с арестом в тридцать седьмом сестры Аси и её сына Андрея; и судьба арестованного тогда же давнего друга М.И. Цветаевой и Сергея Эфрона, князя Святополк-Мирского; и Осипа Мандельштама, «взятого» в тридцать восьмом, и ... Список тех, о чьём аресте узнала тогда М.И. Цветаева, слишком длинен! Страшны, непонятны и чудовищны новости, которые получит поэтесса. Встречаться со старыми знакомыми в Болшево можно было только ограниченно, заводить новых не рекомендовалось. А это, как пишет Е. Толкачева в предисловии к книге «Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Мгновенный след», рассуждая о чертах характера поэта, всегда приводило её к одиночеству, отчаянию.

Надо полагать, что за чередой вечных текущих дел и житейских проблем, стоял, упомянутый в продолженной через год парижской тетради записей, вечно волновавший Цветаеву вопрос: «Когда писать?»

В.К. Лосская в своих исследованиях творчества поэта запишет, что она «чувствовала

только постепенно, и то медленно, иссякающие силы». Это ощущение выражено ещё в 1934. Ощущение усталости и разочарованности.

Пятый чтец. Читает стихотворение «Сад» (1 октября 1934)

Первый ведущий. Но жить надо было: ради семьи. Ради тех, кого так любила. Трудности быта, порой её непонимание их и их – её, срывы, но главное – теперь все вместе.

Пятый ведущий. Чем же живёт М.И. Цветаева-поэт в Болшево? Приближалось 125-летие со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Марина Ивановна предполагала перевести на французский язык несколько стихотворений поэта для еженедельника «Ревю де Моску», где работала дочь Ариадна. Цветаева страдала тогда без творческой работы, «без нескольких утренних часов уединения за столом с пером в руке», поэтому одна из первых записей – перевод стихотворения М.Ю. Лермонтова «В полдневный жар, в долине Дагестана...», есть ещё «Казачья колыбельная».

Шестой ведущий. Список её переводов Лермонтова, сделанных на болшевской даче с 21 июля по 19 августа 1939 года, приведён в книге Белкиной М.И. (зачитывает список) [4, 99]. Интересен зафиксированный там же факт приписки Марины Цветаевой к переводам стихов о том, что по заказу журнала переведено на французский язык 12 стихотворений. «Все остальные переводила для себя (и Лермонтова)». Если вчитаться внимательно только в список с названиями стихотворений, то можно легко определить настроение Цветаевой М.И., её ощущение одиночества: «И скучно и грустно», «Выхожу один я на дорогу», «Любовь мертвеца», «Отчизна»... Есть здесь ещё одно, на наш взгляд совпадение. Если вспомнить даты создания их М.Ю. Лермонтовым, то большинство написаны незадолго до смерти поэта.

Шестой чтец. Читает стихотворение М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

Шестой ведущий. В своём мемуарно-биографическом повествовании-исследовании М.И. Белкина запишет: «Тогда она ещё могла позволить себе такую роскошь – переводить «для себя и Лермонтова»» [4, 100]. Может быть, это даже поддерживало Цветаеву: была работа в радость. Позже, когда дачу в Болшево придётся покинуть, не станет и таких минут «счастья» наедине с собой и стихами. В её записях 40-го и 41-го звучит страх, что заказы на переводы могут закончиться, а ведь они уже будут единственным для Цветаевой и сына «хлебом насущным». Но это всё будет потом. А пока...

Седьмой ведущий. Первые десять недель – дни относительного спокойствия. Приезд «на дачу» к мужу – 19 июля, тетрадь переводов начата 21 июля. На обороте страничек переводов записи на «секретно»-французском языке. Слово «одна» повторяется. Последним радостным событием для неё здесь будут именины. В этот день Сергей Эфрон сделает жене подарок: «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни». Цветаева с юности восхищалась этой книгой Эккермана, где, по её словам, единственно живой Гёте. «Этот подарок навеял Марине приятные воспоминания и грусть», – читаем у краеведа А. Балакина [2, 12]. Книга сохранилась и является экспонатом музея.

Первый ведущий: До приезда Марины Ивановны «роль лидера в распорядке болшевского дома» принадлежала Нине Николаевне Клепининой, которая занимала вторую половину дачи. Семья её к этому времени была большой: девять человек, но надо отдать должное ей, распорядившейся не входить в комнаты «великого поэта» и не приставать к Марине Ивановне. Выполнить распоряжение было непросто: Сергей Яковлевич «уже успел приучить младших к полному панибратству».

«Чудной атмосферой» представляется болшевское время, пожалуй, лишь Ариадне Эфрон, о чём она сообщит позже в одном из своих писем Борису Пастернаку, да её подруге Нине Гордон.

Второй ведущий: Летом 1939 на даче Клепининых – Эфрона в выходные дни устраивали подобие литературных вечеров. Вместе с Лилей Эфрон, работавшей режиссёром, приезжал и блистал как чтец «молодой и талантливый» Журавлёв Дмитрий Николаевич, превосходно читавший стихи и прозу. Читала свои стихи и М.И. Цветаева. Она в такие вечера становилась совсем иной: оживлённая, приподнятая. Ссылаясь на свидетельства Сеземана, И.В. Кудрова записывает: «...наступали моменты, когда даже не чрезмерно чуткому мальчишке открывалось в Марине Ивановне такое, что решительно отличало её от каждого из нас. <...> Она сидела на краю тахты так прямо, как только умели сидеть бывшие воспитанницы пансионов и институтов благородных девиц. Вся она была как бы выполнена в серых тонах: коротко стриженные волосы, лицо, папиросный дым, платье и даже тяжёлые серебряные запястья – всё было серым. Сами стихи меня смущали, слишком они были не похожи на те, которые мне нравились и которые мне так часто читала моя мать. А в верности своего поэтического вкуса я ничуть

не сомневался. Но то, как она читала, с каким-то вызовом, или даже отчаянием, производило на меня прямо магическое, завораживающее действие, никогда с тех пор мной не испытанное. Всем своим видом, ни на кого не глядя, она как бы утверждала, что за каждый стих она готова ответить жизнью, потому что каждый стих – во всяком случае в эти мгновения – был единственным оправданием её жизни. Цветаева читала, как на плахе, хоть это и не идеальная позиция для чтения стихов» [9, 61-62]. По свидетельству очевидцев, читала переведённые ею на французский язык стихотворения А.С. Пушкина, из своих – «Лебединый стан» (предположительно).

Приезжавшие из Москвы привозили с собой «ворох газет и журналов», которые читались с особой въедливостью. Из них обитатели дома получают известие о начале «массированного наступления немецких войск в Польше». По сути, известие о начале Второй Мировой войны – а это ещё одно щемящее сердце известие...

Первый ведущий. Трагизм бытия и мотивы бездомности невольно ощущались нами во время первой встречи со стихотворениями М.И. Цветаевой в 9 классе: «Идёшь, на меня похожий...», отдельными «Стихи о Москве». Этот мотив звучит и в только что прочитанном «Тоска по Родине! Давно...» и в стихотворениях «Аля», «Над синевую подмосковных роц...», «Я с вызовом ношу его кольцо...», «Красною кистью...». Справедливость грустных пророчеств М.И. Цветаевой находит воплощение в четырёх строчках стихотворения «Белым был – красным стал...». Нельзя не заметить, что лирическая героиня поэта – женщина мудрая, достойно мужественно воспринимающая жизненные невзгоды. И главный труд для М.И. Цветаевой – творческий. Всякое поэтическое вдохновение шло из её души, помогало жить полной жизнью и выживать в трудных ситуациях. Но в Болшево... Жизнь здесь словно поделится на две части: до и после арестов мужа и дочери. Сколько же сил нужно было ей, что бы ещё и молчать творчески в эти долгие месяцы? Почти совсем молчать?!

Второй ученик. «Дом предварительного заключения», – так напишет о «большевском убежище» И.В. Кудрова, ссылаясь на слова одной из его обительниц – «язвительной» Нины Николаевны Клепининой. Именно с Клепиниными предстоит теперь делить быт Цветаевой. Знакомы они были давно, со времён пребывания в Берлине, к тому же Нину Николаевну отличала большая любовь к поэзии вообще, а к цветаевской – особенно. Отсюда и упоминание Дмитрия Сеземана о том, что «мать приложила немало

усилий, чтобы заставить меня смотреть на Марину Ивановну не как на соседку с трудным характером, а как на поэта» [3, 403].

Учитель. Задумайтесь: какова в таких условиях жизнь человека, спустя много лет вернувшегося на Родину? Как ему жить? С кем общаться, делиться мыслями, кому поверять помыслы (если и тетради нельзя)? А ведь Марина Ивановна всегда очень тянулась к людям и остро нуждалась в них. Больше всего ей нужны были те, кто мог по-настоящему ценить её талант и понимать. Может быть, поэтому среди воспоминаний современников М.И. Цветаевой наиболее яркие – о чтении Мариной своих стихов прошлых лет.

Третий ученик. «Кто мог подумать тогда, как зыбок и ненадёжен этот покой, как жестоко и безжалостно будет уничтожена эта семья», – запишет И. В. Кудрова воспоминания подруги Ариадны, Нины Гордон [2, 26]. Софья Николаевна Клепинина-Львова в своих воспоминаниях расскажет об этом ощущении тревоги, «предощущении катастрофы» в их большевском доме, которую старались скрыть от младших и «не своих».

Учитель. Чтобы лучше понять поэзию Цветаевой, её настроение в далёком тридцать девятом, нужно помнить и о том, что порог дома в Болшево переступила женщина, возвратившаяся из «шумной, беспечной» Франции не в такой же когда-то милый город, Москву, а в «русскую деревню». «Деревней» ещё в своих письмах в Париже, адресованных приятельнице Анне Тесковой, Марина Ивановна Цветаева будет называть Болшево [291, 38].

Четвёртый ведущий. Гости в этом доме пусть не часто, но бывали. Приезжали родственники Клепининых и Эфрона, по воскресеньям здесь накрывали на стол на какой-нибудь террасе. Воскресенья являлись днями объединения семей и гостей. Места хватало всем. Но Марина Ивановна и в такие минуты единения «выходили из своей комнаты отстранённо вежливая, с потухшим взглядом». Ирина Горошевская называла её «женщиной с неоттаявшим сердцем». «Глухая замкнутость», «болезненная резкость реакций», «перемена в отношении к сыну» (Муру – четырнадцать) – всё это, по мнению И.В. Кудровой, говорит только об одном: «Цветаева переживает какое-то сильнейшее потрясение, к которому она оказалась абсолютно не готова» [291, 45]. Люди, которых она любила, чьи судьбы тесно были переплетены с её собственной, были арестованы. Это-то и беспокоило Марину Ивановну. Сдержаться было трудно. В таком случае нужно выговориться, постараться по-

нять, что произошло и помочь, а она не могла: не позволялось, да и попытки что-то предпринять не увенчались успехом. Ещё одна причина – совсем не стало доверительных отношений с мужем. Только здесь великая поэтесса осознаёт, с кем «связал себя её муж». Называвшийся во Франции «Союз возвращения на родину» на деле оказался не чем иным, как, надо полагать, НКВД. Муж – советский разведчик, правила и запреты распространяются теперь на неё и её детей, равно как и на детей Клепининых. Младшим запрещено ходить в гости к соседям и одноклассникам, не рекомендуется приводить «поиграть» и к себе.

Пятый ведущий. Трагедия случится после получения Мариной Цветаевой паспорта. В тот день она ещё вдохнёт, наверное, воздух Москвы, а утром 27 июля в болшевском доме уже арестуют Алю – Ариадну Эфрон и это будет настоящей трагедией для Марины. Дочь уведут на рассвете – ночью – обыск.

Пятый чтец. Из воспоминаний Нины Гордон: «... Терраса была пуста. Марина Ивановна и Сергей Яковлевич сидели в комнате. Внешне и она, и он были спокойны, только плотно сжатые губы да глаза выдавали запрятанную боль» [2, 13]. А дальше череда арестов в Болшево продолжится.... Арест Э.Э. Литауэр – 29 августа. 10 октября – Сергей Эфрон. 7 ноября в Москве – Клепинина-Львова А.Н. и старший сын от первого брака Сеземан А.В., в Болшево – Н.А. Клепинин-Львов. Та же Н. Гордон вспоминает, что в очередной её приезд дача казалась мёртвой и пустой.

Шестой чтец. Ещё тяжелее воспоминация Ирины Горашевской: «В этот день шёл снег с дождём – ужасный был день. И было очень ветрено и очень холодно. Мы доехали до Болшево и пошли к той даче, где жила моя свекровь (Н.Н. Клепинина-Львова). Там было пусто. И что на меня произвело ужасное впечатление: стояли голые деревья; у нас во дворе были кольца, был ветер, и они бились друг о друга. Это было страшное зрелище. /.../ вышла Марина Ивановна... На меня она произвела впечатление пушкинского мельника...» [2, 16].

Первый ведущий. Из письма дочери Але 10 марта 1941: «... О нас: из Болшево мы ушли 10 ноября» (в дальнейших письмах к дочери – всегда 8 ноября) [12, 27,30,32]. Она будет сожалеть об утраченных дорогих сердцу вещах. В первую очередь – книгах. Она будет жить ночными звуками и страхами. Год спустя напишет: «Поздравляю себя (тьфу, тьфу, тьфу!) с уцелением» [4, 82]. Но именно в записях через год появится первое

высказывание о том, что жить больше не хочется. «Мне – совестно, что я ещё жива» [17, 502]. Она уйдёт из жизни 31 августа 1941 года. «... Я больше не могла жить...попала в тупик...» [2, 27].

Второй чтец.

– Пора! Для этого огня –
Стара!

- Любовь – старей меня!

- Пятидесяти январей

Гора!

- Любовь – ещё старей:

Стара, как хвощ, стара, как змей,

Старей ливонский янтарей,

Всех привиденских кораблей

Старей! – камней, старей – морей..

Но боль, которая в груди –

Старей любви, старей любви. (23 января 1940 г.)

Второй ведущий. 15 сентября 1992 года решением горсовета № 176 Исполкома Калининградского горсовета народных депутатов Московской области улице Свердлова будет присвоено имя Марины Цветаевой. 20 сентября состоится открытие «первой в мире мемориальной музея-квартиры в Болшево» [2, 31].

Учитель. Мы с вами восстановили по крупным событиям далёких от нас лет – «предошущение катастрофы» Марины Цветаевой. С личными вещами и временной экспозицией нам предстоит ещё познакомиться в Подлипках (ул. Богомолова, 1/24).

Домашнее задание: Письменная работа «Трагичность поэтического мира Цветаевой - трагичность эпохи» или «Что услышал я в стихах Цветаевой?». Опережающее задание юным краеведам: проследить переплетение судеб в Болшево: Цветаева – Ахматова; Цветаева – Пастернак; Волошин и сёстры Цветаевы (на выбор).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ариадна Эфрон о Марине Цветаевой: Воспоминания дочери / Сост., авт. вступ. ст. М.И. Белкина; Под ред. Н. Н. Глущенковой; Комментар. Л. М. Турчинского. – Калининградское кн. изд-во: Янтарный сказ, 1999. – 650 с.
2. Балакин А. Цветаевский Хронограф (Болшево – 1939 год) Музей М. И. Цветаевой в Болшево. г. Королёв Моск. обл., 2009. – 7Б №77.
3. Балакин А. Цветаевской тропой (Краткий путеводитель по цветаевским местам города). Музей М. И. Цветаевой в Болшево. г. Королёв М.о., 2007. – 7Б, № 77.

4. Белкина М. И. Скрещение судеб. – М.: Книга, 1988. – 527 с.
5. Даринский А. В. Региональный компонент содержания образования // Педагогика. – 1996. – № 1. – С. 18-20.
6. Князев Ю. А. Прошлое земли Мытищинской. – М.: Собеседник, 1998. – 256 с.
7. Краеведение // Пособие для учителя. / Под ред. доктора исторических наук А.В.Даринского. – М.: Просвещение, 1987. – 158 [1] с.
8. Козлова Л.Н. Безумье всех тысячелетий. К истокам Марины Цветаевой. – М., 1994. – 192 с.
9. Кудрова И. В. Путь комет: В 3 т. Т. 3. Разоблаченная морока. – СПб.: Крига; Издательство Сергея Ходова, 2007. – 384 с.
10. Лиснянская И. Шкатулка с двойным дном. Музей М. И. Цветаевой в Болшеве. Изд-во «Луч-1»: Калининград М.о., 1995. – 184 с.
11. Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Мгновенный след / Изд. подгот. Л.А. Мнухиным; предисл. Е. Толкачёвой. – М.: Вагриус, 2006. – 496 с.
12. Марина Цветаева: Письма к дочери. Дневниковые записи / Предисловие С.Н. Клепининой. Музей М.И. Цветаевой в Болшеве. Изд-во «Луч-1»: Калининград М.о., 1995. – 79 с.
13. Песни женщин: Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века. Автор Вероника Лосская. – М.: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского», 1999. – 320 с.
14. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–11 классы (Базовый уровень) 10-11 класс (Профильный уровень) / Под редакцией В. Я. Коровиной. 11-е издание. – М.: Просвещение, 2009. – 255 с.
15. Труайя А. Марина Цветаева / Анри Труайя [пер. с фр. Н. Васильковой]. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.
16. Цветаева А. Воспоминания. – М.: Издательство «Изограф», 1995. – 863 с.
17. Цветаева М.И. Поклонись Москве...: Поэзия. Проза. Дневники. Письма / Сост., вступит. статья, примеч. А. А. Саакянц. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 528 с.
18. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. Том I. Стихотворения и поэмы 1910-1920. – М.: Прометей, 1990. – 655 с.
19. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. Том II. Стихотворения и поэмы 1921-1929. – М.: ПТО «Центр», 1992. – 622 с.
20. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. Том III. Стихотворения и поэмы 1930-1941, драматические произведения, переводы, другие редакции, незавершённые стихотворения. – М.: ПТО «Центр», 1992. – 719 с.

L. Kartuzova
PREMONITION CATASTROPHE. LOCAL
HISTORY EXCURSION-COMPOSITION IN TO M. I.
TSVETAEVA'S HOUSE-MUSEUM PLACED IN BOL-
SHEVSKII REGION

Abstract. Article allows the teacher to expend teaching opportunities in literature. The author drew wordmonger's attention to the new kind of lesson - excursion-composition. Using alternative forms of the lesson which is based on the local material offers better ways to cope with difficulties in teaching of literature.

Participants of the excursion-composition tell very interesting and vividly about difficult and tragic period of M. I. Tsvetaeva's life in Bolshevo.

Such kind of lesson is deepened pupil's understanding about wonderful poet. Also it is helped to get new information about M. I Tsvetaeva's difficult life, work and to realize her outstanding literature talent.

Key words: local history, excursion, memoirs, subject area, presenter, storyteller, reader.